

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКСТРАДИЦИИ (*AUT DEDERE AUT JUDICARE* / ИЛИ ВЫДАЙ, ИЛИ СУДИ)

доктор юридических наук, профессор Татьяна Владимировна Кленова
Россия, Самара, Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева

CRIMINAL LEGAL REGULATION OF THE EXTRADITION (*AUT DEDERE AUT JUDICARE* / EXTRADITE OR PROSECUTE)

Tatiana Klenova

doctoral degree in law, professor, Head of Department of Criminal Law and
Criminology, Samara University, Samara, Russia

Аннотация. Настоящий материал – об особенностях регулирования экстрадиции в Российской Федерации, об определении „тройной противоправности“ деяния при обосновании экстрадиции лица в условиях политически конфликтного уголовно-правового регулирования на национальном и международном уровнях, а также о значении квалификации преступления для целей выдачи преступника.

Ключевые слова: экстрадиция, квалификация преступлений, международное уголовное право, российская уголовная политика.

Abstract. This material is about particularities of regulation of extradition in Russian Federation, about determination of „threefold illegality” of acts at justification of extradition of the person in conditions of politically conflict criminal regulation at the national and international levels and also about value of qualification of crime for extradition of criminal.

Key words: extradition, qualification of crimes, international criminal law, Russian criminal policy

Сферой необходимого взаимодействия государств является экстрадиция. В Российской Федерации под экстрадицией понимается *выдача иностранному государству лица, не являющегося гражданином Российской Федерации, для привлечения к уголовной ответственности – в связи с совершением деяния, содержащего признаки преступления, либо для отбывания наказания – в случае осуждения судом Российской Федерации к лишению свободы.*

Очевидное значение для урегулирования экстрадиционных отношений имеет проблема правового взаимодействия государств, целью которого признается совместное обеспечение безопасности и правосудия. Для достижения названных интернациональных интересов необходимо единство позиции государств в оценке содеянного как преступления. Учет единой позиции обеспечивается при соблюдении правила „тройной противоправности”, в соответствии с которым юридическими критериями преступности деяния признаются уголовное законодательство каждого из государств, участвующих в отношениях выдачи, и международные нормы или договоренности по-взаимности. Если обнаружена коллизия норм хотя бы двух из перечисленных трех источников, она становится препятствием для выдачи лица.

Таким образом, регулирование вопросов экстрадиции осуществляется на двух уровнях – внутригосударственного национального права и международного права, но это не означает их параллельность: внутригосударственные и международно-правовые нормы подлежат комплексному, а не самостоятельному применению при решении вопросов экстрадиции. Соответственно, условием эффективности правоприменительной деятельности является совместимость норм международного и внутригосударственного права, определяющих основания, условия, цели и порядок выдачи лица в связи с совершением преступления иностранному государству. В Российской Федерации к институту экстрадиции отнесены нормы Конституции (ст. 61 и 63), конвенционные нормы и положения двусторонних договоров государств, нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 12 и 13) и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ст. 460-473).

Проблема совместимости международного и внутригосударственного регулирования экстрадиции осложняется в связи с допускаемой многими государствами коллизией норм международного и национального уголовного права для целей определения оснований уголовной ответственности лица, подлежащего выдачи. По общему правилу, в условиях коллизий, как и при конкуренции норм, приоритетными признаются нормы международного права.

В Российской Федерации высокое значение международного права признается по многим направлениям, но не по уголовным делам. По Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем определенные законом, то предусматривается применение правил международного договора (ч. 4 ст. 15). В УК РФ реализована иная идея – имплементации (воспроизведения и конкретизации) международно-правовых установлений. В ст. 1 УК РФ закреплено: „Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс (часть 1). Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права (часть 2)“. Статью 1 УК РФ многие трактуют как допускающую возможность применения норм внутригосударственного права даже в случае их несоответствия международно-правовым нормам.

Судебная власть не преодолела коллизию норм Конституции Российской Федерации и УК РФ, по-разному регламентирующих формы участия актов международного права в правовой системе государства. Судебные разъяснения не только не устраняют, наоборот, усиливают противоречивость соответствующих законодательных норм. Так, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 5 от 10 октября 2003 г. „О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации“ указал, что „международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом (например, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года, Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 года, Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 года). Исходя из статьи 54 и пункта „о“ статьи 71 Конституции Российской Федерации, а также статьи 8 УК РФ уголовной ответст-

венности в Российской Федерации подлежит лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации” (п. 6) [1, стр. 5].

Однако позже Пленум Верховного РФ не признал приоритетным внутригосударственное уголовное право. В условиях действующего постановления № 5 от 10 октября 2003 г. в постановлении от 27 июня 2013 г. № 21 „О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней” определена новая судебная позиция: „Как следует из положений статьи 46 Конвенции, статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ „О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней”, правовые позиции Европейского Суда по правам человека, которые содержатся в окончательных постановлениях Суда, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов” (п. 2) [2, стр. 15].

Прошло два года, и Конституционный Суд РФ поставил под сомнение обязательность правовых позиций Европейского Суда по правам человека. В постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П Конституционный Суд РФ объявил, что „в системе действующего правового регулирования обеспечивается применение Конвенции о защите прав человека и основных свобод как многостороннего международного договора Российской Федерации в качестве составной части ее правовой системы и исполнение принимаемых на основе Конвенции постановлений Европейского Суда по правам человека, выступающего в качестве субсидиарного межгосударственного судебного органа по конкретным делам в случаях, если исчерпаны все конституционно установленные внутригосударственные средства судебной защиты”. И далее. „Не исключается правомочие федерального законодателя – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – предусмотреть не противоречащий юридической природе Конституционного Суда Российской Федерации и его предназначению как высшего судебного органа конституционного контроля специальный правовой механизм разрешения им вопроса о возможности или невозможности с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации исполнить вынесенное по жалобе против России постановление Европейского Суда по правам человека, в том числе в части мер общего характера” [3].

Как представляется, противопоставление по юридической силе и с учетом места в правовой системе государства актов международного права и национального уголовного закона связано с современными тенденциями мироустройства – глобализацией (процессом всемирной интеграции и унификации), а также сопутствующей, возникшей как ответ на вызовы глобализации, антиглобализацией.

Глобализация уже не рассматривается как исключительно экономический процесс, в настоящее время стало общепризнанным включение в глобализацию и других сфер международного сотрудничества, в том числе сфер совместного контроля миграции и борьбы с преступностью. В условиях существенного схождения в криминальной ситуации, повышения организованности интернациональной преступности государства осознают необходимость и возможность совместно отражать угрозы преступности.

В свою очередь, глобализация, а также антиглобализация являются социальными факторами динамики преступности. Как верно отмечает О.Н. Ведерникова, „значение международных уголовно-правовых норм постоянно возрастает за счет усиления негативных последствий глобализации, проявляющихся в увеличении масштабов

транснациональной организованной преступности, появлении новых видов преступлений, что требует активизации взаимодействия государств с целью противодействия росту преступности в мире. В результате, наблюдается рост числа международных уголовно-правовых конвенций, включая договоры, принятые в рамках ООН, региональных и субрегиональных межгосударственных объединений, число которых неуклонно растет, отражая стремление государств укрыться от потрясений глобализированного мира среди своих сторонников. В то же время усиление глобальной борьбы с преступностью может сопровождаться серьезными нарушениями прав человека, и в такой ситуации значение международного права как гаранта этих прав будет возрастать”. В качестве примера этот автор указывает на вскрытое бывшим сотрудником американских спецслужб Э. Сноуденом глобальное явление в виде широкомасштабного электронного шпионажа американских спецслужб путем прослушивания телефонов граждан европейских стран, а также ведущих европейских политиков, включая глав как минимум 35 государств. Как известно, 1 августа 2013 г. Э. Сноуден получил в России временное убежище сроком на один год, год спустя – трехлетний вид на жительство, который в 2017 г. продлен до 2020 г. „Очевидно, – пишет О.Н. Ведерникова, – что массовое нарушение прав человека, включая право на тайну телефонных переговоров и иных сообщений, которое обнаружил Сноуден, является глобальной проблемой, для решения которой требуются глобальные меры, в том числе в виде соответствующих международных конвенций” [4, стр. 26].

Глобализация и антиглобализация отражают конфликт различных правовых культур, соответствуют космополитической и шовинистической стратегиям развития общественных отношений. Российский философ А.А. Гусейнов совершенно обоснованно охарактеризовал эти стратегии противоположными и деструктивными: „Первая игнорирует различия культур, вторая абсолютизирует их. (...) Эти опасные тенденции, однако, в одном отношении полезны: они обозначают края пропасти, уходя от которых только и можно достичь желанной золотой середины” [5, стр. 66].

Уход от крайностей применительно к уголовно-правовому регулированию означает равно уважительное отношение как к национальным уголовно-правовым системам, так и к международному уголовному праву. Эффективная совместная деятельность государств по противодействию международным преступлениям и преступлениям международного характера возможна только при наличии базового соглашения, что принципы и нормы международного права осуществляются в соответствии с принципами суверенного равенства и территориальной целостности государств и принципом невмешательства во внутренние дела других государств, а также нормами внутреннего законодательства государств – участников международного соглашения.

Поскольку экстрадиция – это одна из форм правового взаимодействия государств в интересах безопасности и правосудия, необходимо единство позиции государств в оценке содеянного как преступления, гарантируемое путем соблюдения по-взаимности правила „*тройной противоправности*”, в соответствии с которым юридическими критериями преступности деяния признаются и уголовное законодательство двух государств, участвующих в отношениях выдачи, и международные нормы или договоренности по-взаимности.

В.П. Коляхин называет соответствующее положение принципом „тождественности” („двойной криминальности”) [6, стр. 18].

К сожалению, при очевидной аксиомности положения о необходимом соответствии основания уголовной ответственности в применяемых при экстрадиции источниках, в Российской Федерации оно может ставиться под сомнение, причем со ссылкой на Конституцию Российской Федерации, где в ч.2 ст. 63 сказано, что выдача лиц

осуществляется на основе федерального закона **или** (выделено авт. – Т.К.) международного договора Российской Федерации.

В то же время в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации альтернативность юридических критериев для определения преступности деяния в связи с выдачей лица для уголовного преследования или исполнения приговора исключается. В соответствии с правилом „тройной противоправности“ здесь предусмотрены условия наказуемости деяния запрашивающим и запрашиваемым государством, а также соблюдение международного договора или принципа взаимности (ч. 1 и 2 ст. 460, ч.1 и 2 ст. 462).

Юридический критерий определения основания выдачи важен, но не стоит преувеличивать его значение. Формальное основание отличается дополнительностью по отношению к фактическому основанию выдачи – событию преступления. Описание события преступления имеет первичное значение, так как выбор источников определения противоправности деяния осуществляется только в отношении установленных обстоятельств дела, а также с учетом естественных затруднений в соотношении составов при совместности законов государств и международных норм. И уголовное законодательство не идентично, и правила квалификации в разных государствах не одни и те же, и международно-правовое регулирование выполняется во многих случаях без внешней систематизации с национальным законодательством государств.

Например, С.С. Беляев, исследовав проблему коллизии норм российского уголовного законодательства и конвенционных норм, фокусирует внимание на невозможности определения в соответствии с Уголовным кодексом понятия „политическое преступление“, использованного в международно-правовых актах и востребованного в связи с актами экстрадиции. Для преодоления такой коллизии С.С. Беляев предложил отмечать в договорах среди оснований отказа в выдаче невозможность выдачи ввиду предоставления лицу политического убежища [7, стр. 9].

Конкретизация преступлений в международно-правовых актах должна воспрепятствовать практике выдвижения требований об экстрадиции не на основании совершения конкретного преступления, а с обвинением общего характера, например в осуществлении терроризма.

Круг преступлений, в связи с совершением которых допускается выдача лица иностранному государству, неодинаково определяется в разных источниках. Либо перечисляются преступления, как обуславливающие, так и исключающие выдачу (в международно-правовых источниках), либо круг преступлений обозначается, исходя из минимального наказания (в международно-правовых источниках, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации). Так, в ч. 2 ст. 460 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации говорится о преступлениях, за совершение которых предусмотрено наказание не менее 1 года лишения свободы – в случае выдачи для уголовного преследования, либо лицо было осуждено к лишению свободы на срок не менее шести месяцев – в случае выдачи для исполнения приговора. А в УК РФ вообще не определяется, какие преступления являются основаниями для выдачи. Буквальное толкование ст. 13 УК РФ позволяет предположить, что здесь речь идет о всех преступлениях, предусмотренных настоящим Кодексом.

При обосновании выдачи лица для уголовного преследования нужно не только установить состав преступления, но и применить правовые предписания общего характера, имеющие значение для определения состава преступления, например, о запрете на повторное осуждение, о сроках давности, об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, об амнистии.

Например, в 2018 г. Судебная коллегия Верховного Суда РФ по уголовным делам удовлетворила жалобу Суботы (Субботы) на решение о выдаче правоохранительным

органам Украины для привлечения к уголовной ответственности за превышение власти или служебных полномочий по ч. 3 ст. 365 УК Украины и за умышленное тяжкое телесное повреждение по ч. 2 ст. 121 УК Украины, указав, что к моменту вынесения судебного решения истекли установленные уголовным законом Украины сроки давности уголовного преследования Суботы (Субботы). Следовательно, он в настоящее время к уголовной ответственности привлечен быть не может, поскольку отсутствует цель, для достижения которой Украина направила запрос о выдаче Суботы (Субботы) (апелляционное определение от 11 апреля 2018 г. № 18-АПУ18-5).

В российской судебной практике есть примеры и противоположного подхода. Так, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 сентября 2007 г. № 77-007-11 установлено, что судом незаконно отменено решение о выдаче лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования, так как принятие запрашивающей стороной акта амнистии не служит препятствием для выдачи лица. Таким образом, при решении вопроса о выдаче лица иностранному государству из числа юридически значимых обстоятельств была исключена амнистия. Соответственно, произошла подмена целей выдачи. Если преступление, в связи с которым решался вопрос о выдаче, в запрашивающем государстве было отнесено к основаниям применения амнистии, то целью выдачи высшая судебная инстанция, наверное, посчитала взаимопомощь государств, но не обеспечение правового взаимодействия государств в интересах безопасности и правосудия. Такая судебная практика стала возможна вследствие недооценки значения правовых предписаний общего характера для определения противоправности деяния в международно-правовом и внутригосударственном регулировании экстрадиции, а также поскольку нет легального определения целей экстрадиции.

Территориальная юрисдикция имеет приоритет перед универсальной юрисдикцией, то есть экстрадиция всегда должна иметь разрешительный порядок на территории государства, где находится лицо, подозреваемое в преступлении.

Для правильного применения норм института экстрадиции необходимо полное и непротиворечивое установление этих норм в источниках международного права и внутригосударственном законодательстве. Только в рамках „диалоговой концепции“ международного права представители государств (они же – носители национальных правовых культур) могут определить уравновешенную позицию по уголовно-правовым вопросам.

Литература:

1. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12.
2. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 8.
3. Собрание законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.
4. Ведерникова О.Н. Международно-правовые основы российского уголовного права и практики его применения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 25 (711). 2014.
5. Гусейнов А.А. Диалог культур: возможности и пределы // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения 22-23 мая 2008 года. СПб, 2008.
6. Коняхин В.П. Институт экстрадиции: уголовно-правовая регламентация // Законность. 2005. № 1.
7. Беляев С.С. Экстрадиция в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 1986.